

Юнг Карл Густав Синхроничность filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Карл Густав Юнг

Синхроничность

Как мы знаем, открытия современной физики значительно изменили научную картину мира в том смысле что они разрушили абсолютность законов природы и сделали их относительными. Законы природы – это статистические истины, то есть они абсолютно верны только тогда, когда мы имеем дело с макрофизическими величинами. В царстве очень маленьких величин предсказуемость ослабевает, а то и вообще становится невозможной, поскольку очень маленькие величины не ведут себя в соответствии с известными законами природы.

Философским принципом, который лежит в основе нашей концепции закона природы, является причинность. Но если связь между причиной и следствием оказывается только статистически и только относительно истинной, то принцип причинности только относительно годится для объяснения природных процессов и, стало быть, предполагает существование одного или нескольких необходимых для объяснения факторов. Можно сказать, что связь между событиями при определенных обстоятельствах имеет отличный от причинного характер и требует другого принципа объяснения.

В макрофизическом мире, разумеется, мы тщетно будем искать беспричинные события по той простой причине, что мы не можем себе представить существование между событиями какой-то иной, отличной от причинно-следственной, связи, и мы не можем себе представить, как можно эту связь объяснить. Но это не значит, что событий, между которыми имеется такая связь, не существует. Их существование – или, по крайней мере, возможность их существования – логически вытекает из упомянутой выше статистической истины.

Экспериментальный метод исследования направлен на определение регулярных событий, которые можно повторять. Соответственно, уникальные или редкие события во внимание не принимаются. Более того, эксперимент навязывает природе ограничивающие условия, потому что его задача состоит в том, чтобы заставить ее отвечать на вопросы, придуманные человеком. Поэтому, каждый данный природой ответ в большей или меньшей степени подвергся воздействию заданного вопроса, результатом чего всегда является некий гибрид. Основанный на этом так называемый "научный взгляд на мир" вряд ли является чем-то большим, чем психологически предубежденным узким взглядом, в поле которого не попадают все те никак не второстепенные аспекты, не поддающиеся статистическому методу исследования. Но для того, чтобы хотя бы осознать существование этих уникальных или редких событий, мы попадаем в зависимость от равно "уникальных" и индивидуальных описаний. Это приводит к созданию хаотического набора любопытных экземпляров, типа старого музея по естественной истории, в котором рядышком расположены окаменелости, анатомические монстры в пробирках, рог единорога, корень мандрагоры и засушенная русалка. Описательные науки и, прежде всего, биология в самом широком смысле, хорошо знают эти "уникальные" образчики, и для них достаточно только одного экземпляра какого-либо организма, каким бы невероятным он не был, чтобы установить факт существования этого организма. В любом случае, многочисленные наблюдатели могут убедить себя в существовании такого создания, поскольку они видят его собственными глазами. Но когда мы имеем дело с эфемерными событиями, от которых не остается никаких заметных следов, если не считать обрывков воспоминаний, то одного свидетельства или даже нескольких свидетельств уже недостаточно, чтобы уникальное событие представилось абсолютно достоверным. Достаточно вспомнить о печально известной ненадежности показаний очевидцев. В этих обстоятельствах мы должны установить, является ли внешне уникальное событие действительно уникальным в свете накопленных нами знаний, и не имело ли место подобное событие где-либо еще. Здесь, с психологической точки зрения, огромную роль играет consensus omnium хотя с эмпирической точки зрения оно выглядит несколько сомнительно, поскольку только в исключительных случаях consensus omnium действительно оказывается полезным при установлении фактов. Эмпирик не оставит его без внимания, но и полагаться на него не станет. Абсолютно уникальные и эфемерные события, существование которых мы никак не можем ни доказать, ни опровергнуть, не могут быть объектом

эмпирической науки; редкие события вполне могут быть таковыми, при условии наличия достаточного количества достоверных индивидуальных свидетельств. Так называемая возможность таких событий не имеет никакого значения, поскольку критерий возможности в каждом веке базируется на рационалистических z предположениях данного века. Не существует никаких "абсолютных" законов природы, к авторитету которых можно было бы воззвать, защищая собственные предубеждения. Самое большее, чего мы можем требовать – это как можно большее количество индивидуальных наблюдений. Если это количество, рассмотренное под статистическим углом зрения, оказывается в пределах ожидаемой случайности, то тогда мы имеем статистическое доказательство того, что речь идет о случайности; но это не значит, что у нас есть какое-либо объяснение. Мы просто имеем дело с исключением из правила. Например, когда количество симптомов, указывающих на комплекс, оказывается ниже вероятного числа расстройств, которое можно ожидать во время ассоциативного эксперимента, то это не является основанием для предположения, что комплекса не существует. Тем не менее, в былые времена это не мешало рассматривать реакции расстройств как чистую случайность.

Хотя, как и в биологии, мы входим в сферу, где причинные объяснения зачастую представляются совершенно неудовлетворительными – даже практически невозможными – мы здесь будем заниматься не проблемами биологии, а скорее вопросом возможности существования какого-то общего поля, где беспричинные события не только возможны, но и являются реальными фактами.

Что ж, в нашей жизни существует неизмеримо огромное поле, которое образует, так сказать, противовес царству причинности. Это мир случайности, в котором случайное событие кажется причинно не связанным с соответствующим фактом. Поэтому мы будем вынуждены несколько более внимательно изучить природу и саму идею случайности. С нашей точки зрения, случайности обязательно можно дать какое-нибудь причинное объяснение, и она называется "случайностью" или "совпадением" только потому, что ее причинность пока не прослежена. Поскольку внутри нас глубоко засела убежденность в абсолютной истинности причинного закона, мы считаем подобное объяснение случайности вполне адекватным. Но если принцип причинности только относительно истинен, то из этого вытекает следующее: хотя подавляющему большинству случайных совпадений можно дать причинное объяснение, все равно должны иметь место случаи, в которых не прослеживается никакая причинно-следственная связь. Поэтому перед нами стоит задача "просеять" случайные события и отделить беспричинные от тех, которым можно дать причинное объяснение. Вполне логично, что число причинно объяснимых событий будет куда большим, чем число тех, которые вызывают мысли о беспричинности, и поэтому невнимательный или предубежденный исследователь легко может проглядеть относительно редко встречающиеся беспричинные феномены. Как только мы начинаем заниматься проблемой случайности, тут же возникает железная необходимость в статистической оценке исследуемых событий.

Просеять эмпирический материал невозможно, не обладая критерием отбора. Каким образом мы сможем узнать какие из комбинаций событий являются беспричинными, если явно невозможно проверить причинность всех случайных происшествий? Ответ таков: беспричинное событие, скорее всего, можно ожидать там, где, при более внимательном рассмотрении, причинно-следственная связь, как оказывается, невозможна. В качестве примера я бы привел "дублирование случаев", феномен, хорошо известный любому врачу. Иногда "дублирование" бывает трое – и даже более кратным, на основании чего Каммерер³ может говорить о "законе серии" и приводит массу прекрасных его примеров. В большинстве таких случаев не существует даже отдаленной возможности причинно-следственной связи между совпадающими событиями. Например, когда я сталкиваюсь с тем, что номер моего трамвайного билета идентичен номеру купленного в тот же день билета в театр, а вечером мне звонят и в разговоре упоминают тот же самый номер, уже в качестве телефонного, тогда причинная связь между этими событиями представляется мне совершенно невозможной, хотя каждое из них в отдельности обладает своей причинностью. С другой стороны, я знаю, что случайные происшествия имеют тенденцию собираться в ациклические группы – обязательно ациклические, потому что в противном случае эти события были бы периодическими или регулярными, что по определению исключает случайность.

Каммерер утверждает, что хотя "цепочки" или последовательности случайных событий не являются результатом общей причины, то есть являются беспричинными, они, тем не менее, являются выражением инертности – одного из свойств постоянства. Одновременность "появления двух или нескольких

одинаковых вещей" он объясняет, как "имитацию". Здесь он противоречит самому себе, поскольку случайность не "выносится за пределы царства объяснимых вещей", но, как и следовало ожидать, является его частью и может быть сведена, если не к общей причине, то, по крайней мере, к нескольким причинам. Его концепции "серии", "имитации", "притяжения" и "инертности" относятся к основанному на причинности мировоззрению и говорят нам всего лишь о том, что случайность соответствует статистической и математической вероятности. Фактический материал Каммерера состоит только из "цепочек" случайностей, единственным "законом" которых является вероятность; иными словами, нет никакой видимой причины, по которой он должен пытаться найти в них что-нибудь еще. Но по какой-то неясной причине он действительно ищет в них нечто большее, чем "руку вероятности" – "закон серийности", который он хотел бы представить принципом, сосуществующим с причинностью и окончательностью. Как я уже сказал, собранный им материал никак не дает повода к этим выводам. Это явное противоречие я могу объяснить только предположением, что у него возникло смутное, но восхитительное интуитивное чувство беспричинного расположения и комбинации событий, вероятно потому, что, как и все вдумчивые и чувствительные натуры, он не мог избавиться от странного впечатления, которое, как правило, производит на нас случайное совпадение событий, и поэтому, в силу своего научного склада ума, сделал смелый шаг и сформулировал беспричинную серийность на базе эмпирического материала, который находится в пределах вероятности. Подобное предприятие не могло не вызвать вопросы, на которые трудно дать ответ. Исследование индивидуальных случаев очень полезно для общей ориентации, но когда имеешь дело со случайностью, только применение количественной оценки или статистического метода позволяет надеяться на получение результатов.

Группы или серии случайностей представляются, по крайней мере в свете нашего современного образа мышления, бессмысленными и находящимися, в общем, в пределах вероятного. Однако, происходят также и события, "случайность" которых может быть подвергнута сомнению. Я приведу только один из великого множества примеров. Я записал его 1-го апреля, 1949 г.: Сегодня пятница. На завтрак у нас рыба. Кто-то в разговоре со мной упомянул об обычае делать из кого-то "апрельскую рыбу". В то же самое утро я занес в свой блокнот надпись, которая гласила: "Est homo totus medius piscis ab imo (Человек целостный есть рыба извлеченная из глубины-лат.). Днем одна из моих бывших пациенток, которую я не видел уже несколько месяцев, продемонстрировала мне несколько впечатляющих картин с изображениями рыб, которые она нарисовала за то время, что мы не виделись. Вечером мне показали кусок гобелена с изображенными на нем рыбоподобными чудовищами. Утром 2-го апреля другая пациентка, с которой я не виделся уже несколько лет, рассказала мне сон, в котором она стояла на берегу озера и увидела большую рыбу, которая поплыла прямо к ней и выбросилась из воды к ее ногам. В это время я занимался изучением истории символа рыбы. Только одно из упомянутых мною здесь лиц знало об этом.

Все это вызывает вполне естественную мысль о смысловом совпадении, то есть о связи иного, не причинно-следственного, свойства. Должен признаться, что эта цепочка событий произвела на меня значительное впечатление. Мне показалось, что в ней присутствует какое-то нуминозное качество. В подобных обстоятельствах мы склонны говорить: "Это не может быть простой случайностью", даже не зная, о чем мы, собственно, говорим. Каммерер, конечно, напомнил бы мне о придуманной им "серийности". Тем не менее сила произведенного впечатления не является доказательством того, что это было не случайное совпадение всех этих "рыб". Разумеется, чрезвычайно странно, что тема рыбы поднималась не менее шести раз в течение двадцати четырех часов. Однако необходимо вспомнить, что рыба по пятницам – это вполне нормальное явление, и что 1-го апреля вполне уместно говорить об "апрельской рыбе". К этому времени, я уже в течение нескольких месяцев работал над историей символа рыбы. Рыба часто является символом содержимого бессознательного. Поэтому нет никаких оснований видеть в этой цепочке что-нибудь еще, кроме случайного совпадения. Цепочка или серия совершенно ординарных событий пока что должна рассматриваться, как случайное совпадение. Какой бы она не была длинной, ее следует вычеркнуть из списка возможных беспричинных связей. Поэтому и существует широко распространенное мнение, что все совпадения являются "удачными попаданиями" и не требуют беспричинного объяснения. Это предположение может и, несомненно, должно считаться истинным, до той поры, пока нет никаких доказательств того, что эти совпадения выходят за рамки вероятности. Однако, если такое доказательство появится, то оно, в то же самое время, будет доказательством по настоящему беспричинных комбинаций событий, объяснить которые мы можем

только опираясь на фактор, несоизмеримый с причинностью. Тогда мы будем вынуждены предположить, что события, в принципе, находятся друг с другом, с одной стороны, в причинно-следственной связи, а с другой – в некоей смысловой перекрестной связи.

Здесь я хотел бы привлечь внимание к трактату Шопенгауэра "Об очевидном узоре в судьбе человека", который является "крестным отцом" взглядов, мною сейчас развиваемых. В трактате идет речь об "одновременности причинно не связанной, которую мы называем "случайностью". Шопенгауэр иллюстрирует эту одновременность географической аналогией, где параллели представляют поперечную связь между меридианами, которые считаются причинными цепочками.

Все события в жизни человека находятся в двух фундаментально отличающихся друг от друга типах связи: первый тип – объективная причинная связь природного процесса; второй тип – субъективная связь, которая существует только для ощущающего ее индивида и которая, стало быть, так же субъективна, как и его сновидения... Эти два типа связи существуют одновременно, и одно и то же событие, хотя и является звеном двух абсолютно разных цепей, тем не менее подчиняется и тому, и другому типу, так что судьба одного индивида неизменно соответствует судьбе другого, и каждый индивид является героем своей собственной пьесы, одновременно с этим играя и в пьесе другого автора – это недоступно нашему пониманию и может быть признано возможным только на основании убежденности в существовании заранее установленной удивительной гармонии.

С точки зрения Шопенгауэра, "у великого сна жизни... есть только один субъект", трансцендентальная Воля, *prīma causa* (первопричина-лат.), из которой все причинные цепочки расходятся, как линии меридианов из полюсов, и, благодаря кругам параллелей, находятся друг с другом в смысловых отношениях одновременности. Шопенгауэр верил в абсолютный детерминизм природного процесса и в первопричину. Не существует никаких доказательств верности ни первого, ни второго предположения. Первопричина – это философская мифологема, которая представляется правдоподобной только тогда, когда принимает форму старого парадокса "Ev to p̄sav (единое во всем – лат.), единства и многообразия одного и того же мира. Идея, что точки одновременности в причинных цепочках или меридианах представляют собой "смысловые совпадения", имеет право на жизнь только в том случае, если первопричина действительно была единством. Но если она была многообразием, что не менее вероятно, то вся теория Шопенгауэра рухнет. Такой же сильный удар наносит ей факт, который мы только недавно осознали, а именно, что закон природы истинен только со статистической точки зрения, что оставляет лазейку для неопределенности. Ни философские размышления, ни ощущения не могут предоставить доказательства регулярного возникновения этих двух типов связи, в которых одна и та же вещь является как субъектом, так и объектом. Шопенгауэр мыслил и писал во времена полного господства причинности, как категории *a priori*, и потому не мог не использовать ее при попытке объяснения "смысловых совпадений". Но, как мы уже видели, причинность может послужить относительно правдоподобным объяснением только в том случае, если мы будем опираться на другое, также ничем не подтвержденное, предположение о единстве первопричины. Тогда из этого неизбежно вытекает следующее: каждая точка данного меридиана обязательно должна находиться в отношениях "смыслового совпадения" со всеми другими точками того же градуса широты. Однако, это вывод далеко выходит за рамки эмпирически возможного, поскольку из него следует, что "смысловые совпадения" происходят настолько регулярно и систематически, что их существование либо вообще не нуждается в доказательствах, либо доказать его проще простого.

Приведенные Шопенгауэром примеры так же малоубедительны, как и все остальные. Тем не менее, его заслуга состоит в том, что он увидел эту проблему и понял невозможность легкого и поспешного ее решения *ad hoc*. Поскольку эта проблема связана с основами нашей эпистемологии, он, в соответствии с общим направлением своей философии, считал ее источником трансцендентальной предпосылки, Воли, которая создает жизнь и находится на всех уровнях, модулируя каждый из этих уровней таким образом, что все они находятся не только в гармонии со своими синхронными параллелями, но также подготавливают и устраивают будущие события, играя роль Судьбы или Провидения.

В противоположность свойственному Шопенгауэру пессимизму, в этой мысли звучат почти добродушные и оптимистические нотки, которые вряд ли сегодня вызовут у нас одобрение. Одно из наиболее проблематичных и стремительных

столетий всей мировой истории отделяет нас от того времени, все еще пропитанного духом средневековья, когда философский ум верил, что он может изрекать утверждения, которые не могут быть доказаны эмпирически. То было время широты взглядов, которому не были свойственны крик "стой!" и мнение, что границы природы находятся именно там, где строители "дороги науки" просто сделали временный привал. Поэтому Шопенгауэр, с его истинно философским провидчеством, открыл поле для размышлений, особую феноменологию которого он не был готов понять, хотя более-менее верно набросал ее общие очертания. Он понял, что астрология и различные интуитивные методы толкования судьбы, с их *omina* (предсказывать) и *praesagi* (предчувствовать), имеют общий знаменатель, который он хотел отыскать с помощью "трансцендентальных рассуждений". Он также правильно понял и то, что это была проблема принципа первого порядка, и этим отличался от всех тех, кто до него и после него оперировал бесполезными концепциями некоего типа передачи энергии или ради своего удобства отмахивался от этой проблемы, как от бессмыслицы, чтобы избавиться от необходимости решать трудную задачу. Попытка Шопенгауэра тем более достойна уважения, что она была предпринята в то время, когда стремительный прогресс естественных наук привел всех к убеждению, что только причинность может считаться окончательным принципом объяснения. Шопенгауэр, вместо того, чтобы игнорировать все те события, которые отказываются покорно подчиниться причинности, попытался, как мы знаем, приспособить их к своему детерминистскому взгляду на мир. В этих попытках он насильно загнал в причинную схему концепции типа прообраза, соответствия и заранее установленной гармонии, которые, как сосуществующий с концепцией причинности всемирный порядок, всегда лежали в основе человеческих объяснений природы. Он поступил так, вероятно, из-за ощущения – и справедливого – что основанному на законе природы научному взгляду на мир (хотя он и не сомневался в его истинности), тем не менее, недостает чего-то, что играло значительную роль в классическом и средневековом взглядах на мир (и что играет такую же роль в интуитивных чувствах современного человека).

Масса фактов, собранных Гарни, Майерсом и Подмором, вдохновила трех других исследователей – Дарье, Рише и Фламариона – на попытку решения этой проблемы с помощью расчета вероятности. Дарье определил вероятность, как 1:4 114 545, в случае телепатического предчувствия смерти, то есть объяснение такого предупреждения в качестве "случайности" в более чем четыре миллиона раз менее правдоподобно, чем толкование его, как "телепатии", то есть аказуального, "смыслового совпадения". Вероятность очень хорошо известного случая "фантома живого" астроном Фламарион определил, как 1:804 622 222. Он также был первым, кто связал все остальные подозрительные происшествия с общим интересом к феноменам, связанным со смертью. Так, он сообщает, что во время работы над книгой об атмосфере, как раз в тот момент, когда он сидел за главой, посвященной силе ветра, неожиданный порыв ветра сдул со стола все бумаги и вынес их через окно. Он также приводит в качестве примера тройного совпадения поучительную историю о монсеньере де Фортибу и сливовом пироге. Тот факт, что он вообщем упоминает все эти совпадения в связи с проблемой телепатии, доказывает наличие у него интуитивной, хотя и неосознанной, мысли о существовании гораздо более объемлющего принципа.

Писатель Вильгельм фон Штольц собрал большое количество историй о странном возвращении утерянных или украденных предметов к своим хозяевам. Среди прочих у него есть история о женщине, сфотографировавшей своего маленького сына в Черном Лесу. Она оставила пленку в Страсбурге для проявки. Но началась война, она не могла ее забрать и смирилась с этой потерей. В 1917 г. во Франкфурте она купила пленку, чтобы сфотографировать свою дочь, которую родила за это время. Когда пленка была проявлена, выяснилось, что она уже использовалась: под фотографией дочери была фотография сына, сделанная в 1914 г.! Старая пленка не была проявлена и каким-то образом вновь поступила в продажу вместе с новыми пленками. Автор приходит к ожидаемому выводу, что все здесь указывает на "взаимное притяжение связанных друг с другом объектов" или на "избирательное родство". Он предполагает, что эти происшествия выглядят так, словно являются сновидением "более масштабного и более обширного сознания, которое непознаваемо".

С психологической стороны к проблеме случайности подошел Герберт Сильберер. Он показывает, что внешне "смысловые совпадения" являются, частично бессознательными упорядоченными и, частично, бессознательными произвольными

толкованиями. Он не принимает во внимание ни парапсихические феномены, ни "синхроничность", а в теоретическом смысле он идет не намного дальше причинности Шопенгауэра. Если не считать ценной психологической критики Сильберером наших методов оценки случайности, в его работе нет никаких упоминаний о существовании "смысловых совпадений", в том смысле, в каком они здесь рассматриваются.

Точное доказательство (с адекватным научным обоснованием) существования непричинных комбинаций событий было обнаружено только очень недавно, в основном благодаря экспериментам Дж. Б. Рейна и его сотрудников, которые, однако, не поняли, какие далеко идущие выводы можно сделать из их находок. Вплоть до сегодняшнего дня не было приведено ни одного убедительного аргумента против результатов этих экспериментов. В принципе, эксперимент состоит в том, что экспериментатор переворачивает пронумерованные карты, на каждой из которых нарисован простой геометрический узор. Одновременно с этим "объект", отделенный от эксперимента на переворачиваемой карте. Используется колода из двадцати пяти карт. Пять карт обозначены звездой, пять квадратом, пять кругом, пять волнистой линией и пять крестом. Разумеется, экспериментатор не знает в каком порядке расположены карты, а "объект" не может их видеть. Многие эксперименты дали отрицательный результат, то есть было меньше пяти вероятных попаданий. Однако, некоторые "объекты" давали результаты значительно лучше вероятных. Первая серия экспериментов: i каждый "объект" пытается отгадать карты 800 раз. Средний результат: 6.5 попаданий на 25 карт, что на 1.5 попаданий больше вероятных 5-ти. Вероятность случайного отклонения на 1.5 от 5-ти составляет 1:250 000. Эта пропорция показывает, что вероятность случайного отклонения не очень велика, поскольку отклонение может произойти 1 раз на 250 000 случаев. Результаты экспериментов очень разнятся в зависимости от индивидуального дара каждого "объекта". Один молодой человек, который показал в среднем 10 попаданий на 25 карт (в два раза больше вероятного числа), один раз угадал все 25 карт. Вероятность такого случая составляет 1:298 023 223 876 953 125. Возможность "подтасовки" колоды исключалась, потому что карты тасовались автоматически – независимой от экспериментатора машиной.

После первой серии экспериментов пространственное расстояние между экспериментатором и "объектом" было увеличено в одном случае до 400 километров. Средний результат этой серии экспериментов – 10.1 попадание на 25 карт. В другой серии экспериментов, когда экспериментатор и "объект" находились в одной комнате было 11.4 попаданий на 25 карт. Когда "объект" находился в соседней комнате, результат был 9.7 на 25 карт; когда он находился через две комнаты от экспериментатора – 12 попаданий на 25 карт. Рейн упоминает об экспериментах Ф. Л. Ашера и Е. Л. Берта, которые дали положительные результаты при расстоянии между экспериментатором и "объектом" в 1 500 км. Положительные результаты дал и эксперимент проведенный одновременно в Дэрнхэме, штат Северная Каролина, и Загребе, Югославия. Расстояние составляло 7 000 км.

Тот факт, что расстояние в принципе не имеет никакого значения, указывает, что исследуемое явление не может быть феноменом силы или энергии, в противном случае расстояние привело бы к ослаблению эффекта и, более чем вероятно, результаты ухудшились бы пропорционально увеличению расстояния. Поскольку это было совершенно не так, то у нас нет никакой альтернативы предположению, что в психическом смысле расстояние – переменное и в определенных условиях посредством соответствующего психического состояния может быть сведено до практически незаметной точки.

Еще более примечательным является то, что и время, в принципе, также не является помехой; то есть предсказание, как именно колода будет перетасована в будущем, дает результат выше вероятного. Результаты временных экспериментов Рейна показали вероятность 1:400 000, а это указывает на большую вероятность наличия не зависящего от времени фактора. Иными словами, эти результаты указывают на психическую относительность времени, поскольку эксперимент был посвящен восприятию событий, которые еще не произошли. В этих условиях фактор времени, похоже, был устранен той же психической функцией или тем же психическим состоянием, которое способно отменить действие фактора расстояния. Если при проведении пространственных экспериментов мы вынуждены признать, что энергия не ослабевает с увеличением расстояния, то временные эксперименты делают невозможной даже саму мысль о том, что между восприятием и будущим событием может существовать какая-то энергетическая связь. Мы должны сразу же отказаться

от всех объяснений, связанных с категорией энергии, то есть заявить, что события такого рода не могут рассматриваться с точки зрения причинности, ибо причинность предполагает существование пространства и времени до тех пор, пока все наблюдения строятся, в конечном счете, на движущихся телах.

Среди экспериментов Рейна мы должны упомянуть эксперименты с игральными костями. Кости бросала машина, а перед "объектом" стояла задача одновременно с этим интенсивно желать, чтобы какое-то число (скажем 3) выпадало, как можно чаще. Этот так называемый психокинетический эксперимент дал положительные результаты, которые улучшались по мере увеличения количества одновременно бросаемых костей. Если пространство и время психически относительны, то и движущееся тело должно обладать или подвергаться действию соответствующей относительности.

Общим для всех этих экспериментов является тот факт, что число точных попаданий имеет тенденцию к уменьшению после первой серии экспериментов, а потом результаты становятся отрицательными. Но если по какой-то внешней или внутренней причине, заинтересованность "объекта" вновь увеличивается, то результаты улучшаются. Отсутствие интереса и скука являются отрицательными факторами; энтузиазм, надежда на успех и вера в возможность экстрасенсорного восприятия дают хорошие результаты и, похоже, являются теми факторами, от которых зависит, будет ли какой-либо результат вообще иметь место. В этой связи можно привести интересный случай: хорошо известный английский медиум, Эйлин Дж. Гаррет, показала плохие результаты в экспериментах Рейна, потому что, по ее собственному признанию, она не могла вызвать у себя какие-либо чувства по отношению к "бездушным" тестовым картам.

Этого краткого описания достаточно для того, чтобы читатель получил по крайней мере самое общее представление об этих экспериментах. В вышеупомянутой книге Дж. Н. М. Тайрелла, ныне покойного президента Общества Психических Исследований, прекрасно подытоживаются все эксперименты в этой области. Автор сам внес большой вклад в исследования по экстрасенсорному восприятию. С точки зрения физика, положительную оценку опытам по ЭСВ дал Роберт А. Маккон-нелл в статье "ЭСВ – факт или фантазия?"

Как и следовало ожидать, были предприняты всевозможные попытки рационального объяснения этих результатов, которые граничат с чудом и полной невозможностью. Но все эти попытки разбивались о факты, а факты упрямо не хотят поверить в то, что они на самом деле не существуют. Эксперименты Рейна ставят нас перед фактом существования событий, связанных друг с другом "экспериментально" и, в данном случае, смысловым образом, при полной невозможности доказать причинность этой связи, поскольку при "передаче" не наблюдается никаких известных свойств энергии. Следовательно, имеются достаточные основания для сомнений в том, что мы вообще имеем дело с "передачей". Временной эксперимент в принципе исключает что-либо подобное, потому что абсурдным было бы предположение, что ситуация, которая еще не существует и произойдет только в будущем, может "передать" себя, как феномен энергии, "объекту", находящемуся в настоящем времени. Скорее всего, научное объяснение должно начаться с критики наших концепций времени и пространства, с одной стороны, и бессознательного, с другой. Как я уже говорил, сейчас мы не обладаем возможностями для объяснения ЭСВ или факта "смыслового совпадения", как феномена энергии. Тем самым исключается и возможность причинного объяснения, поскольку "следствие" не может пониматься ничем иным, кроме как феноменом энергии. Стало быть, о причине и следствии не может быть и речи. Это вопрос совместного вхождения во время, вопрос некоего вида одновременности. Поэтому этому качеству одновременности я подобрал в качестве принципа объяснения термин "синхроничность" как обозначение гипотетического фактора, того же ранга, что и причинность. В своем эссе "О природе психе" я рассматриваю "синхроничность", как психически обусловленную относительность пространства и времени. Эксперименты Рейна показывают, что относительно психе, пространство и время являются, так сказать, "эластичными" и явно могут быть сведены до почти незаметной точки, как если бы они зависели от психического состояния и существовали не сами по себе, а только как "постулаты" осознающего разума. В первоначальном взгляде человека на мир, который мы наблюдаем у примитивных народов, пространство и время являются очень условными величинами. Они стали "жесткими" концепциями только в ходе ментального развития человека, в основном благодаря введению единиц измерения. Сами по себе, пространство и время "ни из чего не состоят". Это условные концепции, порожденные деятельностью осознающего разума по проведению четких границ, и

они представляют собой незаменимые критерии описания поведения движущихся тел. Стало быть, их происхождение по сути психическое, что, вероятно, и явилось причиной, по которой Кант стал рассматривать их как категории *a priori*. Но если пространство и время – это всего лишь свойства движущихся тел и созданы интеллектуальными потребностями наблюдателя, тогда их релятивизация посредством содержимого психики больше не представляет собой ничего из ряда вон выходящего, а оказывается в пределах возможного. Такая возможность возникает, когда психе наблюдает не внешние тела, а саму себя. Именно это и происходит в экспериментах Рейна: ответ "объекта" не является результатом его наблюдения физических карт, он является продуктом чистого воображения, «случайных» мыслей, которые открывают структуру того, что их порождает, а именно бессознательного. Здесь я только замечу, что структуру коллективного бессознательного составляют решающие факторы в бессознательной психе, архетипы. Коллективное бессознательное представляет психе, тождественную во всех индивидах. В отличие от открытых для восприятия психических феноменов, ее нельзя воспринять непосредственно или "представить", и по причине "непредставимости" ее природы, я назвал ее "психоидной".

Архетипы являются формальными факторами, ответственными за организацию психических процессов в бессознательном: они – это "модели поведения". В то же самое время они обладают "особым зарядом" и оказывают сверхъестественное воздействие, выражающееся "эмоциями". Эмоция создает частичное *abaissement du niveau mental* (понижение плато интеллекта-фр.), ибо хотя она и поднимает конкретное содержимое до сверхнормального уровня яркости, она делает это посредством изъятия такого большого количества энергии из других возможных содержимых сознания, что они затемняются и, в конце концов, становятся бессознательными. Из-за ограничений, которые эмоция налагает на сознание в течение своего действия, происходит соответствующее ослабление ориентации, которое, в свою очередь, создает бессознательному благоприятные условия для проникновения в опустевшее пространство. Так мы регулярно обнаруживаем, что содержимое бессознательного совершает неожиданный и, в принципе, нежелательный прорыв, выражая себя в эмоции. Такое содержимое зачастую обладает низшей или примитивной природой, которая выдает его архетипическое происхождение. Как я покажу ниже, определенные феномены одновременности или синхронистичности связаны с архетипами. По этой причине я и упоминаю здесь архетипы.

Экстраординарная способность животных ориентироваться в пространстве также может указывать на психическую относительность пространства и времени. В этой связи можно привести потрясающую ориентацию во времени червя палоло, сегменты хвоста которого, загруженные половыми продуктами, всегда появляются на поверхности моря в октябре и ноябре, за день до последней четверти луны. Одной из причин этого явления считается ускорение вращения земли, вызываемое в это время притяжением луны. Но, по астрономическим причинам, это объяснение вряд ли можно считать верным. Связь, которая несомненно существует между женским менструальным циклом и циклом луны, имеет чисто числовой характер, и циклы эти на самом деле не совпадают друг с другом. Нет доказательств и того, что они когда-либо совпадали.

Проблема синхронистичности занимала меня уже давно, пожалуй, начиная с середины двадцатых годов, когда я изучал феномены коллективного бессознательного и все время наталкивался на связи, которые просто не мог объяснить случайностными группами или "сериями". Я обнаруживал "совпадения", настолько многозначительно связанные, а вероятность их "случайности" выражалась такой астрономической цифрой, что они явно были "смысловыми". В качестве примера я приведу случай из своей практики. Я лечил одну молодую женщину и в критический момент ее посетило сновидение, в котором ей вручили золотого скарабея. Когда она мне рассказывала это свое сновидение, я сидел спиной к закрытому окну. Неожиданно я услышал за собой какой-то звук, напоминавший тихий стук. Я обернулся и увидел какое-то летучее насекомое, которое билось о наружную сторону оконного стекла. Я открыл окно и поймал создание на лету, как только оно залетело в комнату. Оно представляло собой самый близкий аналог скарабея, который только можно найти в наших широтах. То был скарабейный жук, хрущ обыкновенный (*Cetonia aurata*), который, вопреки свои привычкам, явно именно в этот момент проникнуть в темную комнату. Должен признаться, что ничего подобного не случалось со мной ни до того, ни потом, и что сновидение пациентки осталось уникальным в моей практике.

Я бы хотел упомянуть о другом случае, который является типичным для

определенной категории событий. Жена одного из моих пациентов, которому было за пятьдесят, однажды рассказал мне, что в моменты смерти ее матери и бабушки за окном комнаты собиралось множество птиц. Мне приходилось слышать подобные истории от других людей. Когда лечение ее супруга близилось к концу и его невроз был почти устранен, у него появились довольно безобидные симптомы, как мне показалось, сердечной болезни. Я послал его к специалисту, который, осмотрев его, написал мне, что не нашел никакого повода для беспокойства. Возвращаясь с этой консультации (с запиской врача в кармане), мой пациент потерял сознание прямо на улице. Когда умирающего принесли домой, его жена уже находилась в большой тревоге, потому что вскоре после того, как муж отправился к врачу, целая стая птиц села на крышу их дома. Она, естественно, вспомнила такие же случаи, которыми сопровождалась смерть ее родственников, и ожидала самого худшего.

Хотя я был лично знаком с этими людьми и хорошо знаю, что описанные события были чистой правдой, я ни на секунду не поверю в то, что этот рассказ заставит кого-нибудь, кто склонен считать такие вещи чистой "случайностью", изменить свое мнение. Я рассказал эти две истории с единственной целью: показать, каким образом "смысловые совпадения" обычно проявляются в повседневной жизни. В первом случае, "смысловое совпадение" имеет ярко выраженный характер в силу приблизительной тождественности его главных объектов (скарабея и хруща); но во втором случае, на первый взгляд, кажется, что между смертью и стаей птиц не может быть никакой связи. Однако, если вспомнить, что в аду вавилонян души были облачены в "одеяние из перьев", и что в Древнем Египте ба, или душа, считалась птицей, то предположение, что в данном случае действовал какой-то архетипический символизм, не представляется уж слишком смелым. Если бы это событие произошло в сновидении, то его толкование было бы обосновано с помощью сравнительного психологического материала. Похоже, что архетипическая основа присутствует и в первом случае. С пациенткой было чрезвычайно трудно иметь дело и ко времени этого сновидения я не достиг практически никакого прогресса. Я должен объяснить, что основной причиной тому был характер пациентки, которая была ярким сторонником картезианской философии и настолько упрямо цеплялась за свои представления о реальности, что усилия трех врачей – я был третьим – разбились об эту стену. Явно требовалось какое-то иррациональное событие, создать которое я был не в силах. Уже самого сновидения было достаточно, чтобы, пускай незначительно, поколебать рационалистическую установку моей пациентки. Но когда "скарабей" на самом деле влетел в окно, ее естество смогло проломить броню характера и процесс трансформации по крайней мере сдвинулся с мертвой точки. Любое существенное изменение установки означает психическое обновление, которое, как правило, сопровождается символами нового рождения, возникающими в сновидениях и фантазиях пациента. Скарабей является классическим примером символа нового рождения. В древнеегипетской "Книге о том, что происходит в потустороннем мире" описывается, как мертвый солнечный бог на десятом привале превращается в Кхепри, скарабея, а потом, на двенадцатом привале, забирается в лодку, которая уносит обновленного солнечного бога в утреннее небо. Здесь единственная трудность заключается в том, что в случае с образованным человеком нельзя исключить возможность криптомнезии (хотя моя пациентка ничего не знала об этом символе). Но это не меняет того факта, что психолог постоянно сталкивается со случаями, когда возникновение символических параллелей не может быть объяснено без привлечения гипотезы коллективного бессознательного.

Итак, похоже на то, что "смысловые совпадения" – которые следует отличать от бессмысленных* "случайностных групп" покоятся на архетипической основе. По крайней мере, все случаи из моей практики – а их было немало – обладали этой отличительной чертой. О том, что это значит, я уже говорил выше. Хотя любой с моим опытом в этой области может легко распознать их архетипический характер, ему будет трудно связать их с психическими условиями в экспериментах Рейна, поскольку в последних нельзя заметить никакого явного присутствия какого-либо архетипического комплекса. И эмоциональное состояние не является таким, как в приведенных мною примерах. Тем не менее, следует помнить, что наилучшие результаты были показаны в первых сериях экспериментов Рейна, а потом показатели резко ухудшались. Но когда появлялась возможность вызвать оживление интереса к довольно утомительному эксперименту, результаты вновь улучшались. Из этого следует, что эмоциональный фактор играет важную роль. А эмоциональность в значительной степени основана на инстинктах, формальным аспектом которых является архетип.

В моих случаях и в опытах Рейна есть еще одна общая психологическая черта, хотя и не такая заметная. Общим отличительными признаком этих, на первый взгляд совершенно разных ситуаций, является элемент "невозможности". Пациентка, которой приснился скарабей, оказалась в "невозможной" ситуации, потому что ее лечение зашло в тупик, из которого вроде бы не было выхода. В таких ситуациях, если они достаточно серьезны, человека, как правило, посещают архетипические сновидения, указывающие путь, о котором он и подумать не мог. Именно в таких ситуациях архетип выкристаллизовывается с наибольшей регулярностью. Поэтому, в определенных случаях, психотерапевт считает своим долгом выяснить, на какую рационально неразрешимую проблему указывает бессознательное пациента. Стоит только это выяснить, как приводятся в действие более глубокие слои бессознательного и создаются условия для трансформации личности.

Во втором случае имели место полубессознательный страх и угроза летального исхода, при полной невозможности адекватного понимания ситуации. В экспериментах Рейна именно "невозможность" поставленной перед "объектом" задачи заставляет его полностью сосредоточить свое внимание на процессах, происходящих внутри него, тем самым давая бессознательному шанс проявить себя. Задаваемые в экспериментах по ЭСВ вопросы с самого начала имели эмоциональную окраску, потому что они представляли нечто непознаваемое как потенциально познаваемое, и в них всерьез принималась в расчет возможность чуда. Это, независимо от скептицизма "объекта", непосредственно задевало его бессознательную готовность стать свидетелем чуда и дремлющую во всех людях надежду на то, что такие вещи могут быть возможны. Сразу же под внешней оболочкой даже наиболее трезво мыслящих индивидов таится примитивная суеверность и именно те, кто наиболее отчаянно сражается с ней, первыми поддаются ее гипнотическому влиянию. Поэтому, когда серьезный эксперимент, подкрепленный всем авторитетом науки, "нажимает" на эту готовность к чуду, то она неизбежно порождает эмоцию, которая резко либо принимает, либо отвергает эту веру. Во всех событиях в той или в иной форме присутствует эмоциональное ожидание, хотя кое-кто и оспаривает этот постулат.

Здесь я бы хотел привлечь внимание к возможности недоразумений вокруг термина "синхроничность". Я выбрал этот термин потому, что главным критерием мне представлялось одновременное возникновение двух событий, связанных не причинно, а по смыслу. Поэтому я использую общую концепцию синхроничности в особом смысле совпадения во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одно и то же или сходное значение. Эту концепцию не следует путать с "синхронностью", которая просто означает одновременность протекания двух событий.

Стало быть, синхроничность означает одновременное протекание определенного психического состояния с одним или несколькими внешними событиями, которые выглядят смысловыми аналогами моментального субъективного состояния – и, в определенных случаях, наоборот. Два моих примера по-разному иллюстрируют это положение. В случае со скарабеем одновременность очевидна, но во втором случае очевидности нет. Стая птиц, действительно, вызвала смутный страх, но этому явлению можно дать причинное объяснение. Жена моего пациента определенно не могла заранее испытывать осознанный страх, который можно было бы сравнить с моими опасениями, потому что симптомы (боли в горле) не принадлежали к тем, что могут заставить дилетанта заподозрить неладное. Бессознательное, однако, зачастую знает больше сознания, и мне представляется вероятным, что бессознательное женщины уже учуяло опасность. Стало быть, если мы исключим психическое содержимое сознания, типа мысли о смертельной опасности, то мы получаем явную одновременность появления стаи птиц, в ее традиционном значении, и смерти супруга этой женщины. Психическое состояние женщины, если мы не станем принимать в расчет возможное, но недоказуемое возбуждение бессознательного, представляется зависимым от внешнего события. Тем не менее, психе женщины была задействована еще до того, как стая птица села на ее дом и была замечена ею. Поэтому мне кажется вероятным, что в ее бессознательном действительно сложился комплекс. Стая птиц, как таковая, имеет традиционное значение в вороже. Это значение явно присутствует в толковании самой женщины и потому похоже на то, что птицы как бы представляли бессознательное предчувствие смерти. Врачи Романтического Периода, скорее всего, заговорили бы о "притяжении" или "магнетизме". Но, как я уже говорил, таким феноменам нельзя дать причинное объяснение, если только не впасть в самые фантастические ad hoc гипотезы.

Истолкование птиц, как зловещего предзнаменования, как мы знаем, было основано на двух предыдущих совпадениях такого рода. Его еще не было во время смерти бабушки. Там совпадение заключалось только в смерти и появлении стаи – птиц. И тогда, и в момент смерти матери женщины, совпадение было явным, но в третьем случае оно подтвердилось только когда умирающего принесли домой.

Я упоминаю об этих сложностях потому что они имеют важное значение для понимания концепции синхроничности. Возьмем другой пример: Один мой знакомый увидел во сне во всех подробностях внезапную смерть друга. В то время мой знакомый находился в Европе, а его друг – в Америке. На следующий день пришла телеграмма о смерти друга, а через десять дней – письмо, в котором описывались подробности смерти. Выяснилось, что смерть наступила по крайней мере за час до сновидения. Мой знакомый в тот день лег поздно и не заснул до часа ночи. Сновидение посетило его примерно в два часа. Сновидение не было синхронно смерти. Ощущения такого рода часто случаются либо чуть до, либо чуть после самого события. Данн упоминает об очень примечательном сновидении, которое посетило его весной 1902 г., когда он находился на Бурской войне. Ему приснилось, что он стоит на вулкане. Дело происходило на острове, который снился ему и раньше и которому угрожало катастрофическое извержение вулкана (типа извержения Кракатау). Придя в ужас, он захотел спасти четыре тысячи жителей этого острова. Он попытался связаться с французскими властями на соседнем острове, чтобы они прислали для спасения жителей все имевшиеся в наличии корабли. В этом месте в сновидении начали появляться типичные мотивы отчаянной спешки и опоздания, и все это время в его голове звучала фраза: "четыре тысячи людей погибнут, если...". Несколько дней спустя Данн получил с почтой экземпляр "Дейли Телеграф", и в глаза ему бросились заголовки:

"Катастрофическое извержение вулкана на Мартинике"

"Город сметен с лица земли"

"Огненная Лавина"

"По некоторым оценкам погибло более 40 000 человек"

Сновидение посетило Данна не в момент самой катастрофы, а только тогда, когда газета с новостями уже находилась в пути к нему. Когда он читал ее, он принял число 40 000 за 4000. Эта ошибка переросла в парамнезию, поэтому каждый раз, когда он рассказывал это сновидение, он говорил 4000 вместо 40 000. Только пятнадцать лет спустя, когда он скопировал статью, он обнаружил ошибку. Его бессознательное знание сделало при чтении ту же самую ошибку, что и он.

Тот факт, что сновидение посетило его незадолго до поступления новостей, является вполне распространенным явлением. Нам часто снятся люди, от которых мы со следующей почтой получаем письмо. В нескольких случаях мне удалось точно установить, что в момент сновидения письмо уже лежало в почтовом отделении адресата. А ошибку при чтении мне довелось совершить и самому. В период Рождества 1918 г., я много занимался орфизмом, в особенности орфическим фрагментом в "Малаласе", где Первичный Свет описывается, как "триединый Мети, Фан, Эрисепей". Вместо "Эрисепей" я все время читал "Эрикапей". (Вообще-то, встречается и такой вариант.) Ошибка при чтении переросла в парамнезию, и потом я все время считал, что это имя читается, как Эрикапей, пока, тридцать лет спустя, вновь не заглянул в "Малалас" и не обнаружил, что там оно читается, как Эрисепей. Примерно в это же время, одна моя пациентка, с которой я не встречался целый месяц и которая ничего не знала о моих исследованиях, пришла ко мне с рассказом о сновидении, в котором неизвестный человек протянул ей лист бумаги, на котором был написан "латинский гимн", посвященный богу Эрисипею. Пациентка сумела вспомнить этот гимн после своего пробуждения и записала его. Он был написан на странной смеси латыни, французского и итальянского. Эта дама обладала элементарным знанием латыни, немного знала итальянский и свободно говорила по французски. Имя Эрисипей было ей совершенно неизвестно, что не удивительно, поскольку она была незнакома с античными авторами. Мы жили в городах, находящихся на расстоянии 80-ти км друг от друга, и не общались в течение целого месяца. Примечательно, что в ее варианте имя тоже было написано с ошибкой, которая была сделана в том же месте, с той лишь разницей, что я вместо "се" поставил "ка", а ее бессознательное поставило «си». Я могу только предположить, что она бессознательно "прочитала" не мою

ошибку, а текст, в котором имела место транслитерация имени Эрисепей, а моя ошибка просто сбила ее с толку.

Синхронистические события покоятся на одновременном существовании двух разных психических состояний. Одно из них является нормальным, вероятным состоянием (то есть таким, которому можно дать причинное объяснение), а другое, критическое ощущение, причинно никак не связано с первым. В случае с внезапной смертью критическое ощущение не может быть немедленно признано "экстрасенсорным восприятием"; оно может быть названо таковым только впоследствии. Но даже в случае со "скарабеем", непосредственно ощущаемым является психическое состояние или психический образ, который отличается от образа из сновидения только тем, что в его реальности можно убедиться немедленно. В случае со стаей птиц женщина находилась в состоянии неосознанного возбуждения или страха, который для меня был вполне осознанным и заставил меня послать пациента к кардиологу. Во всех этих случаях, будь-то пространственного, будь-то временного ЭСВ, мы обнаруживаем одновременность нормального или обычного состояния с другим состоянием или ощущением, которое причинно не связано с первым, и объективное существование которого может быть подтверждено только впоследствии. Это определение следует помнить особенно тогда, когда речь идет о будущих событиях. Они явно не синхронные, а синхронистические, поскольку они ощущаются как психические образы в настоящем времени, как будто объективное событие уже существует. Неожиданно содержимое, которое прямо или косвенно связано с каким-то объективным внешним событием, совпадает с обычным психическим состоянием: это и есть то, что я называю синхронистичностью, и я утверждаю, что мы имеем дело, с одной и той же категорией событий, вне зависимости от того, будет ли проявляться их объективность отдельно от моего сознания в пространстве или во времени. Эта точка зрения подтверждается результатами Рейна, на которые не влияли изменения ни пространства, ни времени. Пространство и время, концептуальные координаты тела в движении, вероятно, являются по сути адекватными (поэтому мы и говорим о длинном или коротком "временном пространстве"), а Филон Иудейский много веков тому назад сказал, что "продолжением небесного движения является время". "Синхронистичность в пространстве с таким же успехом может пониматься, как восприятие во времени, однако примечательно то, что "синхронистичность" во времени нелегко понять в качестве пространственной, потому что мы не можем себе представить какое-либо пространство, в котором объективно присутствуют будущие события, которые могут ощущаться как таковые, посредством уменьшения этого пространственного расстояния. Но поскольку опыт показал, что при определенных условиях пространство и время могут быть сведены почти что к нулю, то причинность исчезает вместе с ними, поскольку причинность связана с существованием пространства и времени, а также с физическими изменениями, и заключается, в принципе, в последовательности причины и следствия. Поэтому синхронистические феномены, в принципе, не могут быть связаны ни с какими концепциями причинности. Стало быть, взаимосвязь "совпадающих по смыслу факторов" обязательно должна восприниматься, как акаузальная.

Желая отыскать доказуемую причину, мы очень даже склонны поддаться искушению заменить ее "трансцендентальной причиной". Но "причиной" может быть только величина, которую можно "продемонстрировать". "Трансцендентальный" и "причина" – это несовместимые понятия, ибо ничто трансцендентальное по определению не может быть доказуемо или "продемонстрировано". Если мы не хотим подвергнуть риску гипотезу аказуальности, тогда у нас нет альтернативы, кроме как объяснить синхронистические феномены простой случайностью, что противоречит результатам экспериментов Рейна по ЭСВ и другим хорошо подтвержденным фактам из парапсихологической литературы. Или мы скатываемся в рассуждения, о которых я говорил выше, и должны подвергнуть критике наши основные принципы объяснения, сказав, что время и пространство являются постоянными в любой данной системе только тогда, когда они измеряются без учета психического состояния. Это регулярно и происходит во время научных экспериментов. Но когда событие наблюдается без экспериментальных ограничений, на наблюдателя легко может оказать воздействие эмоциональное состояние, которое изменяет пространство и время путем "сжатия". Каждое эмоциональное состояние вносит в сознание изменения, которые Жане назвал *abaissement du niveau mental*; то есть имеет место определенное сужение сознания и соответствующее усиление бессознательного, что, особенно в случаях сильного аффекта, заметно даже дилетантам. Тонус бессознательного повышается, в результате возникновения градиента бессознательное течет в сознание. Сознание оказывается под воздействием инстинктивных импульсов и

содержимого бессознательного. Ими, как правило, являются комплексы, единственной основой которых является архетип, "инстинктуальный паттерн". В бессознательном также содержатся подсознательное восприятие и забытые образы-воспоминания, которые не могут быть воспроизведены в насто ящий момент, и, может быть, не будут воспроизведены никогда. В содержимом подсознания мы должны различать восприятие, которое я назвал бы необъяснимым "знанием", или "непосредственностью" психических образов. Если чувственное восприятие может быть связано с вероятными или возможными чувственными раздражителями, которые находятся ниже порога сознания, то это "знание", или "непосредственность" образов бессознательного либо не имеет никакой познаваемой основы, либо мы обнаруживаем, что существуют познаваемые причинно-следственные связи с определенным, уже существующим, и зачастую архетипическим, содержимым. Но эти образы, вне зависимости от того, произрастают они из уже существующей основы или нет, находятся в аналогичной или эквивалентной (то есть смысловой) связи с объективными происшествиями, не имея познаваемой или хотя бы постижимой причинной связи с ними. Как может отдаленное во времени и пространстве событие создать соответствующий психический образ, когда передача необходимой для этого энергии вообще не укладывается в нашей голове? Тем не менее, каким бы непостижимым это не казалось мы, в конце концов, вынуждены предположить, что в бессознательном существует что-то вроде априорного знания или "непосредственности" событий, у которых отсутствует какая бы то ни было причинная основа. В любом случае, наша концепция причинности не годится для объяснения этих фактов.

Принимая во внимание сложность ситуации, наверное имеет смысл подвести итог приведенным выше аргументам, а сделать это лучше всего можно с помощью примеров. Рассказывая об экспериментах Рейна, я высказал предположение, что из-за напряженного ожидания или эмоционального состояния "объекта", уже существующий, правильный, но находящийся в бессознательном, образ результата дает возможность сознанию сделать больше, чем предполагается, точных попаданий. Сновидение со скарабеем – это поднимающееся из бессознательного осознанное представление, уже существующий образ события, которое произойдет на следующий день, то есть рассказа о сновидении и появлении хруща. В бессознательном жены моего скончавшегося пациента присутствовало знание того, что смерть уже близка. Стая птиц вызвала соответствующие образы-воспоминания и, соответственно, страх. Точно так же сновидение моего знакомого, в котором он увидел смерть своего друга и которое посетило его почти одновременно с самим происшествием, возникло из уже существовавшего в бессознательном знания об этом событии.

Во всех этих и других, им подобных, случаях присутствует не поддающееся причинному объяснению априорное знание ситуации, которая не может быть познана в данное конкретное время. Стало быть, синхроничность состоит из двух факторов: а) Находящийся в бессознательном образ проникает в сознание либо непосредственно (то есть, буквально), либо косвенно, в форме сновидения, мысли, предчувствия или символа, б) Объективная ситуация совпадает с этим содержимым. Как первый, так и второй фактор вызывают недоумение. Каким образом возникает образ в бессознательном, и каким образом возникает совпадение? Я очень хорошо понимаю, почему люди склонны сомневаться в реальности этих вещей. В данном случае, я только задаю вопрос. Далее в этой работе я попытаюсь на него ответить.

Что касается роли, которую играет эмоция в протекании синхронистических событий, то я должен сказать, что это совсем не новая идея. Она была известна уже Авиценне и Альберту Великому. Альберт Великий пишет о магии:

я обнаружил поучительный рассказ о магии в Liber sextus naturalium Авиценны, где говорится, что человеческой душе присуща определенная способность изменять вещи, благодаря которой душа подчиняет себе другие вещи, особенно когда она испытывает большую любовь или ненависть, или что-то в этом роде. Поэтому, когда душу человека охватывает сильная страсть любого рода, то, и это можно доказать экспериментальным путем, она страсть подчиняет вещи магическим образом и изменяет их так, как ей угодно; в течение долгого времени я не верил в это, но после того, как я прочитал книги по колдовству, знакам и магии, я обнаружил, что эмоциональность человеческой души является главной причиной всех этих вещей, то ли потому, что в силу своей большой эмоциональности душа изменяет свою плотскую субстанцию и плотскую субстанцию желаемых ею вещей, то ли потому, что другие, более низкие вещи склоняются перед ее достоинством, то ли потому, что походящий час, или астрологическая ситуация, или другая сила совпадают

Юнг Карл Густав Синхроничность filosoff.org

с этой сильной эмоцией, и в результате мы верим, что это душа совершила то, что, на самом деле, было совершено этой силой... Любой, кто хочет научиться секретам, как делать и как уничтожать эти вещи, должен знать, что любой человек может магически повлиять на любую вещь, если его охватит сильная страсть... и он должен совершить это с теми вещами, на которые указывает душа, в тот момент, когда страсть охватывает его. Ибо душа в это время настолько жаждет сделать это дело, что она сама выхватывает самый важный и самый лучший астрологический час, который также управляет вещами, годящимися для этого дела... Стало быть, это душа испытывает более острое желание, это она выполняет работу более эффективно, и это ей больше нравится то, что получается в результате... Таким вот образом душа производит все, чего очень сильно хочет. Все, что душа делает с этой целью, обладает мотивирующей силой и действенностью для того, чего душа желает.

Из этого текста ясно следует, что синхронистические ("магические") происшествия зависят от эмоций. Естественно, что Альберт Великий в духе своего времени объясняет это наличием у души магической способности, не задумываясь над тем, что психический процесс "подстроен" точно так же, как и совпадающий с ним образ, который ожидает внешнего физического процесса. Этот образ рождается в бессознательном и потому принадлежит к тем *cogitationes quae sunt a nobis independents* (размышления, которые от нас не зависят-лат), которые, с точки зрения Арнольда Гелинка, порождены непосредственно Богом, а не нашим мышлением. Гете представляет синхронистические события таким же "магическим" образом. Так, в своих беседах с Эккерманом, он говорит: "Каждому из нас присущи электрические и магнетические силы, которые наподобие настоящего магнита что-то притягивают или отталкивают, в зависимости от того, приходят они в соприкосновение с одинаковым или противоположным".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!